

**Н. Я. СЕРДОБИНЦЕВ,
Е. Н. СЕРДОБИНЦЕВА**
Саратовский пединститут

ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается возможность употребления в литературном языке слов, отмеченных в лексикографических изданиях в качестве просторечных, определяются лексические, морфолого-синтаксические и стилистические особенности просторечных лексем.

Просторечие как неотъемлемая часть русского национального языка еще недостаточно исследовано. В нем отражены единицы всех уровней языка. Просторечная лексика, представленная в толковых словарях русского языка, являет собой значительный пласт слов. Разделению просторечия на употребительные и недопустимые в литературной речи слова посвящено немало современных исследований (см. [1; 5; 6; 20]), которые в основном уточняют положение о его двухчастном характере.

Однако вопрос об употреблении просторечных слов в литературной речи является спорным. Некоторые исследователи считают, что в наше время просторечие не играет важной роли в коммуникативной сфере и «активно вытесняется литературным языком, сохраняясь преимущественно в речи людей старых и пожилых» [6, с. 243]. Существуют и другие мнения. Так, Ф. П. Филин справедливо отмечал, что просторечие, «в отличие от письменного литературного языка и местных говоров, изучено очень плохо... Специфика лексики просторечия должна быть еще установлена» [20, с. 376].

Изучение просторечной лексики, ее структуры, значения и функционирования составляющих единиц открывает значительные возможности совершенствования средств литературного выражения, способствует усилению действенности речи и повышению уровня ее культуры. Важность темы обусловила оживленный интерес, который проявляется к ней в последнее время многими лингвистами (см. [10; 11; 16; 17]).

В этом контексте важными предстают вопросы, связанные с изучением просторечия в школьном курсе и на филологических факультетах вузов. Многие просторечные слова известны учащимся, более того, находятся в активном запасе, но они мало используются при изучении лексики, выполнении различных словарных упражнений и в связной речи, хотя такие слова иногда соответствуют теме высказывания, его назначению и стилю.

Отрицательное отношение к литературному просторечию не имеет серьезных оснований. Оказывает влияние «традиция» не включать просторечные, экспрессивно-окрашенные слова в уче-

ническую речь только потому, что они просторечные (хотя они не редкость в образцовых текстах, изучаемых в школе).

Знание слов литературного просторечия, их признаков и особенностей употребления в речи необходимо учителю. Это помогает организовать работу по расширению словарного запаса и по преодолению недочетов в речи учащихся. Так, методист М. А. Рыбникова включала просторечие в число средств, обогащающих речь при обучении русскому языку в школе. Она рекомендовала использовать «просторечные пословицы» с их «живой краткостью» (*Язык без костей; что хочет, то лопочет*), однокоренные слова, среди которых имеются и просторечные единицы (*середка, середний, сердце, среда; сумрак, обморок, морочить*) [13, с. 206].

Большинство просторечных слов обладают оценочностью, экспрессивностью, эмоциональностью и образностью: ср. *прибыток* («доход»), *пробойный* («бойкий», «ловкий»), *сколачивать* («собирать деньги»), *слезиться* («плакать») и т. п. Просторечные слова и формы составляют как бы сниженный стилистический ярус литературной лексики и являются важным резервом «освежения речи» [4, с. 204].

В. Н. Ключева, адресуя «Краткий словарь синонимов» школе, указывала, что огрубление слова в просторечном стиле не дает нам права на выбрасывание его из синонимического ряда; например значение «промедление» присуще не только немаркированным *проволочка, задержка*, но и просторечным *волынка, канитель* [8].

Выразительность просторечных слов и выражений привлекала внимание не только методистов. Так, В. И. Чернышев не считал ошибкой употребление в литературной речи просторечных форм *угащивал, разжалывали* и т. д. [22, с. 448]. «Вывести из литературного языка функционирующее в нем просторечие означало бы лишить литературный язык средств сниженной речи, обычно несущих высокую эмоционально-оценочную нагрузку», — утверждал Ф. П. Филин [21, с. 7].

Надо заметить, что лексический состав устной речи исследован меньше по сравнению с письменной формой. От понимания норм устной речи, ее отличий от письменной зависит успех работы по повышению культуры любой формы речи. Исходя из сказанного остановимся только на некоторых нерешенных вопросах, связанных с проблемой просторечия как одной из разновидностей устной формы речи. К ним относятся, например, особенности просторечной лексики и ее функционирование в литературном языке. Для рассмотрения данных вопросов выбран наиболее приемлемый, по нашему мнению, путь: от речевой формы к тому, что ее обусловило.

Понятие «просторечие» в наше время до конца не определено. Мы исходим из понимания просторечия как цельной лингвистической категории русского национального языка, находя-

шейся в его разговорной разновидности, одной стороной входящей в литературный язык, другой соприкасающейся с нелитературными подразделениями (жаргоном, диалектами и др.). Думается, что категоричное противопоставление просторечия литературному языку неправомерно, поскольку это явления разного порядка и статуса.

В данной статье исследуются элементы просторечия, извлеченные из Толкового словаря русского языка [32], из Словаря современного русского литературного языка (СРЛЯ) [18], из текстов литературных произведений разных родов и жанров. В шести томах СРЛЯ нами выделено 4873 элемента, имеющих помету «просторечие». В данной работе анализу подвергаются лишь 2456 единиц. Эти элементы распределяются следующим образом: из 1377 слов многозначных — 126; отдельных значений непросторечных слов — 595; просторечных оттенков значения у непросторечных слов — 80; 19 отдельных просторечных грамматических форм; 13 акцентных и произносительных форм; устойчивых словосочетаний — 220, фразеологизмов — 162.

Семантико-грамматическую характеристику в данной работе получают лишь неглагольные элементы¹, среди них семантика 902-х представляет всю гамму выражения оценки, чувства и экспрессии. При этом надо заметить, что преобладают выражения оценок и чувств «нижнего» спектра. Не встретились просторечные слова и значения, которые выражали бы «высокие» чувства. И оценки в основном носят характер отрицательного свойства.

Е. М. Вольф отмечает, что «особенностью оценки в естественном языке является асимметрия между положительной и отрицательной зонами «хорошо/плохо»... «в экспрессивных оценках», характеризующих свойства и действия объекта... способы отрицательной оценки более разнообразны в собственно семантическом плане» [2, с. 19—20].

Просторечные элементы с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией среди рассматриваемого массива составляют около 60 % (*пакостник, похвальбишка, потаскуха, растобары, сволота, стыдобушка, страстишка* и т. д.); нейтральные — более 20 % (*поверток, присловка, подвертки, росстань, ряд, сором* и др.). Слов с положительной эмоционально-оценочной коннотацией около 20 % (*племяшка, сподручник* и др.). То же наблюдается в устойчивых и фразеологических выражениях: *сказка про белого бычка, рожу решетом не покроешь, сбоку припека, пришей-пристебай* и др.

Если представить способы выражения чувства и оценки просторечных существительных и их элементов в виде спектра, то получим достаточно неоднородную картину. Одна часть

---

¹ Глагольные элементы в этом контексте уже исследовались рядом языковедов (см. [9; 11; 12; 14]).

спектра окажется в рамках литературного языка: *передых*, *переломка* («ружье»), *перемочка* («мелкий дождь»), *распояска* и т. п.; другая будет за пределами литературного выражения: *пентюх*, *перезрелка*, *сатанюка*, *стервятина* и др. В эту часть могут быть включены также слова со сниженной эмоционально-оценочной окраской, так называемые «грубо просторечные» слова (*рожа*, *рыло*, *рыжак*, *раззява*, *раскорячка*, *сморкач* и т. д.), просторечные слова с положительной оценкой, с выражением чувств ласки, шутки или иронии (*пацаненок*, *ребятенок*, *родненька*, *смертынька* и др.) и, наконец, так называемые «просторечно-областные» слова (*паря*, *пахоть*, *пенек* («улей»), *переруб*, *полушалок* и др.).

В середине спектра остается большое количество слов, которые называют лица, предметы, их действия, признаки и состояния: *пособник* («помощник»), *постой* («ночевка»), *разнота* («различия»), *родительница* («мать»), *сборка* (на одежде), *сродник* и др. Основная масса слов центральной части спектра находится в пределах литературной нормы и не обладает ярко выраженной экспрессивностью.

Сниженная оценка может заключаться в основе слова, имеющей «размытую» семантику: *пакостник*, *пентюх*, *скалдырник-скалыга* и т. п. Иногда к основе с конкретным значением присоединяется «книжный» суффикс. Такая форма интенсифицирует оттенок просторечности: *подарение*, *придурковатость*, *скончание* и др. В большинстве случаев, как показывает наш анализ, сниженность и грубоватость просторечным словам придают специальные языковые средства и способы их использования: формы слов, суффиксы, префиксы, ударение, произношение и др. Одни из них являются литературными, поэтому, соединяясь с литературной основой, выводят слово за пределы нормы: *питух*, *племяш*, *прилипала*, *пустобрех*, *симпатыга*, *скатерётка*, *сороходь* и т. п. Другие, соединяясь с корнем и изменяя его фонетическую оболочку (*почтарь*, *слых*) или морфологический состав (*питок*, *слабина*, *сласть*, *смирена*, *смуглян*), не нарушают норму, хотя ограничивают употребление возникшего слова в литературной речи.

Использование суффиксов нередко ведет к образованию слов-вариантов к литературно-нейтральным единицам: *проводины* («провода»), *поверток* («поворот»), *пехтура* («пехота»), *сотняжка* и т. п. В других случаях суффиксы, присоединяясь к целому слову, как бы удлиняют его, переводят в просторечный пласт (*разговорка*, *разбойство*, *скелетина*, *скукота*, *скупердяй* и т. п.). Иногда суффикс в литературном слове заменяется другим, который придает всему слову просторечную окраску (*поденка* — «поденщина»; *развязка* — «развязность»; *скребка* — «скребок, скребница»; *средствие* — «средство»). Можно встретить одновременную замену суффикса и префикса: *росшивь* — «вышивка»). Приставочных образований среди существитель-

ных встречается очень мало (*похвальба, сподручник, сродственник*).

Достаточно широко представлено безаффиксное образование просторечных слов от основ имен существительных: путем отбрасывания префикса: (по)*стоялец*; суффикса: *расстрой*(ство), *ржавь*(чина), *посыл*(ка), *скоп*(ление), *разжиг*(ание). Иногда производным является этимологический корень существительного: *ржа*(вчина). Встречаются случаи, когда слова, образованные безаффиксным способом, в просторечии меняют свое значение: *салфет*(ка) — форма приветствия, *сказ*(ать) — выражение воли, решения («Вот тебе мой сказ»).

Небольшую группу среди просторечных слов представляют сложные существительные (их встретилось всего 33), включающие основы *сам* и *рук*: *самосуд, самоуправ, самогрей; руковод, рукодел* и др., а также слова: *портомойня, пустобрёх, русопёт, скорохват, скороходь, солнопёк*.

Немало случаев, когда оттенок просторечности возникает в немаркированных словах, используемых в ином значении: *разводы* — «пространные, пустые речи, разговоры»; *разговор* — «произношение, выговор» и т. д. Переносное значение просторечных слов переводит их в разряд литературно-просторечных со сниженной грубоватой окраской. Это проявляется, например, при обозначении человека: *редька* («злая женщина»), *россомаха* («неряшливый человек»), *скот* («непорядочный, грубый человек»), *собака* («жестокий, злой и ловкий человек»), *сапог* («невежественный»), *сосулька* («слабый человек»). Слово с переносным значением просторечного характера может обозначать также другие реалии: *порча* («болезнь»), *сливки* («остатки вина»), *служба* («обращение к военному»), *страсть* («страх»).

В разряд просторечия попадают не только значения полисемантов, но и отдельные формы слов. Например, форма мн. ч. им. п. слов (*стоги, спрыски, текстили* и др.), форма мн. ч. род. п. (*солдатов*), форма ед. ч. (*родитель, родительница*), форма ж. р. (*самородка, самосадка*), форма м. р. (*самоубивец*), форма ср. р. (*чернило*) и др.

Среди просторечных имен прилагательных преобладают качественные, в том числе обозначающие признаки человека, характеризующие его внешность. Как правило, в них выражается оценка или чувство. Эмоционально-оценочные оттенки семантики придают экспрессию прилагательному, благодаря чему оно выступает характеризующим словом, а иногда и образным: *подбористый, порожний* (о ветре); *прокудливый, распотелый, сохлый*. Прилагательных, которые выражают только признак, мало (*подстарший, рождественский, растенельный*).

Значительное количество прилагательных указывает на характеристику внутренних качеств человека: *срывчивый, срывистый, самомнящий, самомнительный, самосильный, разгово-*

ристый, разутешный, рисковый. Такие прилагательные (всего 90) выражают эмоционально-оценочные отношения, как правило, экспрессивны (*разэтакий, растяпистый*), несут оценки и положительные (*радивый, политичный* и др.), и отрицательные (*растяпистый, стожильный* и др.). По своему морфологическому строению они простые, значения выражаются одной основой слова. Сложных прилагательных также немного (25 единиц): *самodelковый, самолучший, самоправный, страхолудный, страховидный* и др. Меньше качественных прилагательных, которые обозначают признак предмета (83 единицы). Просторечность придает им эмоционально-оценочная окраска: *развалющий, разгарчивый, рожонный, свежохонький*. Экспрессия наблюдается у прилагательных в превосходной степени (12 единиц): *самолучший, худищий, худющий* и др. Небольшое количество единиц в группе относительных прилагательных, обозначающих признак, относящийся к обиходным предметам или растениям: *разлатый, разведчатый, разопрелый, сортирный* и др.

Большинство из найденных наречий (78 единиц) выступает как просторечный вариант или синоним к нейтральным или разговорным словам с измененной фонетической оболочкой (*склизко*) или морфемной структурой (*снутри, сподряд* и др.). Почти все наречные слова экспрессивны и отличаются сниженной окраской.

Сравнивая все просторечные элементы в исследуемых томах словарей, мы обнаружили значительное обновление состава просторечного пласта. Количественно пласт просторечия возрастает. Так, помета «прост.» появилась в Словаре современного русского литературного языка (СРЛЯ) у 322 слов, которые не имели ее в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (ТСУ). Некоторые слова с пометой «прост.» в ТСУ маркированы в СРЛЯ пометой «разг.» (9 слов): *полтина, пакостливый, славушка* и др.; «устар.» (26 слов): *полпиво, треисподня, фетюк* и др.; «обл.» (2 слова): *паря, плешина*.

Просторечный пласт в СРЛЯ принял значительно больше слов из разных источников, чем утратил. В группу просторечных перешло из ТСУ 30 немаркированных слов (*полюбовный, пособие, ранехонько*); 52 разговорных (*ревмя, салтык, чинодрал*); 70 областных (*размывчивый, роса, проруха*); 225 единиц имеют помету «прост.» в обоих словарях (*постой, разор, рожка* и др.). Кроме того, значительное количество слов, включенных в СРЛЯ, вообще отсутствует в других, в частности в ТСУ, словарях (*папашка, потайка, строга*). Такое движение слов приводит к увеличению исследуемого пласта русского языка.

Часть исследуемых слов имеет синонимы как среди нейтральных и разговорных единиц, так и среди просторечных: ср. *лицо* (нейтр.), *рожица, мордашка* (разг.) и *морда, мурло*,

рыло, ряшка, харя (прост.) Многие просторечные слова, имея синонимы среди нейтральных слов, выгодно отличаются от них своими дополнительными лексико-стилистическими оттенками, которые придают свежесть и экспрессию: *ражий — здоровый, русак — русский, политичный — вежливый*. Немало слов, выступающих единственно точными обозначениями и потому не имеющих синонимов: *решка, рогожина, рисковый* и др.

В процессе формирования единого национального русского литературного языка просторечие становилось основным средством его демократизации. В XVIII веке этот пласт своими элементами входит только в жанры низкого стиля литературного языка: комедии, басни и эпиграммы [15, с. 72—80]. В начале XIX века просторечные слова проникают в поэзию высоких жанров. А. С. Пушкин закрепил их в поэтическом языке. В середине XIX века просторечие широко вводится и в прозу. Начинает этот процесс Н. В. Гоголь, продолжают писатели так называемой «натуральной школы».

Демократизация языка путем введения просторечных элементов соответствует идейной направленности рассказа. Просторечие в нем художественно оправдано: наиболее выразительные эмоционально-оценочные средства языка используются авторами для выражения своего отношения к героям рассказа и к событиям в их жизни.

Особенно широко, наряду с диалектной лексикой, просторечие входило в произведения, отражавшие жизнь и быт народа второй половины XIX века. В конце века просторечие широко вливается не только в художественную речь, но и в другие стили литературного языка: в публицистику, научно-популярный стиль и др.

Дальнейшая демократизация русского литературного языка усилилась в XX веке. М. Горький, М. Шолохов, А. Бажов, В. Пикуль, В. Шукшин и другие широко и умело вводили просторечные элементы в ткань своих художественных произведений. Это же наблюдаем в языке поэзии. Достаточно указать на обилие просторечных слов, форм, значений и выражений в поэзии В. Маяковского, а в наши дни Р. Рождественского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др. (см. [16, с. 99—121]).

Проведенный анализ просторечных элементов позволяет сделать следующие выводы.

Состав просторечных слов отличается многообразием в лексическом, морфолого-семантическом и функционально-стилистическом отношении. В лексическом отношении они маркированы эмоционально-оценочными и экспрессивными коннотациями, нередко выступают как варианты и синонимы к словам других стилевых разновидностей литературного языка и к диалектным словам. В морфологическом отношении это большей частью производные слова, имеющие общие с нейтральными словами корни и основы, оттенок просторечия возникает благодаря

использованию суффиксов (-ага, -яга, -ат, -ума, -ыщи, -ун, -ота, -ози и т. п.), непродуктивных в других стилевых разновидностях. Безаффиксный и префиксальный способы менее продуктивны. Редко встречаются сложные слова. В функциональном отношении это слова-оценки, слова-характеристики, к которым не всегда возможно подобрать синонимы в других стилевых разновидностях (*подклик, подстарший, рывом* и др.).

Анализ языка произведений показывает, что начиная со второй половины XIX века расширяется употребление просторечия в художественных текстах, в публицистике и поэзии, что говорит об усилении процесса демократизации литературного языка за счет просторечных единиц. Все указанные особенности придают просторечию устойчивый характер в структуре современного литературного языка, позволяя говорить о самобытной речевой сфере, которую не может обходить вниманием школа при обучении русскому языку. Поскольку просторечие вбирает слова с яркой экспрессией, которые нередко оказываются предпочтительными перед нейтральными их синонимами, то необходимо создавать толковые словари просторечной лексики. Словари просторечия могут быть общими — ненормативными тезаурусного типа и частными — нормативными, ориентированными на школу, включающими лишь литературное просторечие, которое может являться ярким средством изобразительности в речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бельчиков Ю. А. Литературное просторечие и нормы // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.
4. Горбачевич К. С. Изменения норм русского литературного языка. М.; Л., 1971.
5. Земская Е. А. Просторечие // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984.
6. Она же. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
7. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978.
8. Клюева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М., 1961.
9. Кочеткова Т. В. О лексико-семантическом классе глаголов говорения в русской разговорной речи // Поэтика и стилистика. Саратов, 1980.
10. Крысин Л. П. Взаимоотношения современного литературного языка и просторечия // Русский язык в школе. 1988. № 2.
11. Лазарева Э. А., Кузнецова Э. В. Библиография советской литературы по лексико-семантическим группам глаголов // Классы и их взаимодействие. Свердловск, 1979.
12. Погодаева Н. Ф. Просторечные глаголы в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
13. Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983.
14. Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М., 1989.

15. Сердобинцев Н. Я. Очерки по истории русского литературного языка первой половины XVIII века. Саратов, 1975.
16. Сердобинцева Е. Н. Состав и функционирование просторечных элементов в современном русском литературном языке // Семантический и функциональный аспекты изучения лексики русского языка. Саратов, 1983.
17. Складаревская Г. Н., Шмелева И. Н. Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском литературном языке // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. М., 1974.
18. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1959—1963. Т. 9—14.
19. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939—1940. Т. 3—4.
20. Филин Ф. П. Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // Славянское языкознание. 7-й Международный съезд славистов. Варшава. Доклады советской делегации. М., 1973.
21. Он же. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2.
22. Чернышев В. И. Избранные труды. М., 1970. Т. 1.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

В. Р. ТИМИРХАНОВ
Башкирский пединститут

ДИНАМИКА ТРАНСФЕРЕНЦИИ И ЕЕ ТИПЫ

Выделяются типы трансферентных явлений в речевой практике лиц, изучающих второй язык, определяются факторы, способствующие и препятствующие развитию трансферентных явлений.

Вопросы самых различных типов двуязычия и языковых контактов изучаются достаточно активно и эффективно, особенно в последнее время, поскольку адекватное научное решение большей их части приобретает сейчас политическую значимость и должно способствовать общественной стабильности. В нынешнем взаимозависимом, взаимосвязанном мире чрезвычайно актуальны исследования в области индивидуального билингвизма.

Многими лингвистами настоятельно выдвигается потребность иметь достаточно подробное описание таких типов интерферентных (трансферентных) явлений, которые бы позволили объяснить условия, содействующие или препятствующие их возникновению, развитию, исчезновению или закреплению, определяющие их статус и функционирование в речи обучаемого второму языку. Такая попытка и была предпринята нами. Под трансферентцией, вслед за Э. М. Ахунзяновым [1], мы понимаем перенос навыков родного языка на изучаемый, т. е. интерференцию в узком смысле как негативное явление при освоении второго языка.

Материал, лежащий в основе этой статьи, был получен нами